

An artistic illustration of a woman from the back, looking to the right. She has her hair in a bun and is wearing a white t-shirt with dark blue Cyrillic text. The text on the t-shirt reads "ПОД ЗАЩИТОЙ" in a bold, hand-drawn style. Below this, in a smaller, clean font, are the words "КЛЭР" and "ЗОРН". She is also wearing dark blue overalls with brown straps and buckles.

ПОД
ЗАЩИТОЙ

КЛЭР
ЗОРН

ПОД
ЗАЩИТОЙ

Для Марселлы

ОДИН

Ещё три месяца я могу по-прежнему называть Кэти старшей сестрой. А потом догоню её. Стану старше. А Кэти всегда будет пятнадцать лет, одиннадцать месяцев и двадцать один день. У неё всегда будет пирсинг в носу и копна длинных кудрявых тёмных волос. Она всегда будет считать *The Cure* лучшей группой в мире. На её спине всегда будет красная полоска кожи, сгоревшей на солнце во время нашей последней вылазки на пляж.

Навеки.

Автобус трясётся и дребезжит по улице — жестяная коробка жара, пота и телесных испарений. Мои одноклассники время от времени брызжут слюной и оскорблениями. Кто-то жирная корова. Кто-то собирается творить непотребство с чьей-то мамой. Кто-то втюрился в мисс Торн. На заднем сиденье смеются, но ни в коем случае не надо мной. Никто и ничто не касается меня.

Где-то за оврагом что-то горит, тлеют листья и шишки, шипит масло эвкалиптов, извиваются тела деревьев. Кислотный запах гнили повис в воздухе. Теоретически сейчас последний месяц лета, но в Австралии природа календарю не подчиняется. Жара задержится надолго, хоть ей уже никто и не рад.

Автобус поворачивает за угол, на мою улицу. «В такую не грех вложиться», — говорил папа. Много лет назад здесь прокатился пожар и сжёг почти все дома по эту сторону оврага. Люди до смерти перепугались. Цены упали, и мои родители коршунами вцепились в возможность. «Мы ещё не скоро увидим что-нибудь подобное», — заявил папа, имея в виду разрушительный огненный шторм, который сожрал дома, школы и скаутский зал*. Мы умнее тех людей. Папа спроектировал дом, защищённый от огня: с системой разбрызгивателей, которые создают плотные струи водяного тумана, двойным слоем кирпичей, жаропрочным стеклом и всем таким.

Теперь местные жители делятся на три категории: свежую поросль, пенсионеров и аборигенов, которые жили здесь всю жизнь, вырастили детей и не собираются никуда уезжать. Поросль и аборигенов можно легко узнать по гибридным автомобилям в гаражах, сборникам дождевой воды во дворах

* Скаутский зал — здание, используемое для проведения встреч отрядов скаутов. (Здесь и далее — примеч. ред.)

и кормушкам для птиц. У пенсионеров перед домами — квадратные газоны без деревьев и дорожки, с которых шлангом смывают опавшие листья. Не очень понимаю, зачем жить в Голубых горах*, если ненавидишь листья, — тут сплошные деревья.

Шоссе убегает в горы через перевал, и по обе стороны оно утыкано маленькими городками. Есть популярные места для туристов, с кафе, бутиками и сувенирными лавками. А есть городки вроде нашего: у нас имеется местная газета, алкогольный магазин и пекарня, в которой, я почти уверена, продают обычные магазинные пироги, разогретые в микроволновке. Верхогорье и нижнегорье соперничают между собой: верхние считают тех, кто ниже, снобами среднего класса, а те в свою очередь называют жителей Катумбы дикими хиппи или, что ещё хуже, гринписовцами. Мы живём посередине, и мама здесь выросла, так что, выходит, мы вечные хиппи среднего класса.

Автобус подъезжает к моей остановке, и я отлипаю от винилового сиденья. Следом за горсткой других ребят шагаю по проходу и выбираюсь на улицу.

* *Голубые горы* — национальный природный парк, получивший своё название благодаря эвкалиптам, выделяющим эфирные масла, которые испаряются и образуют дымку, постоянно парящую над землёй.

Здесь посвежее, но ни разу не холоднее. Я прохожу двести метров от остановки до дома. Наша пожилая соседка, миссис Ван, у себя во дворе. Она из тех, кто ненавидит листья, и сейчас вооружилась граблями больше её самой. У меня нет сил говорить с миссис Ван. Кэти остановилась бы. Она бы остановилась и поболтала с ней, но не потому, что была такой уж болтушкой, а потому, что знала, что чем дольше поговорит, тем больше денег найдёт в рождественском конверте от соседки в конце года.

Она бы стояла на дорожке рядом со мной и плела миссис Ван сплошные небылицы. Однажды она сказала ей, что собирается провести каникулы на Борнео, строя приют для орангутанов-диабетиков.

Я машу миссис Ван рукой и побыстрее взбираюсь по ступенькам.

Дома темно, шторы задёргнуты, чтобы не пропускать тепло. Напольный вентилятор жужжит в углу гостиной. Его лопасти равномерно тикают, как медленно умирающее насекомое. Я прохожу по коридору. Очень тихо поворачиваю ручку двери в её комнату. Дверь открывается. Под ногами ковёр — мягкий, без единого пятнышка. Её кровать аккуратно застелена. Несколько фиолетовых подушек разложено на серебристо-белом полосатом покрывале. На её столе порядок. Ручки и карандаши стоят в пу-

стой банке из-под джема. Доска на стене возле стола увешана фотографиями и журнальными вырезками с одеждой, моделями, образцами узорчатой ткани, перьями, цветными стёклами. Она всё время добавляла что-то новое. Сейчас на уголках фотографий осела пыль. Обычно я ничего не трогаю, но этим вечером выдвигаю верхний ящик: там, поверх тетрадей и учебников, лежит её айпод. Я кладу его в карман юбки. А потом просто стою посреди комнаты не двигаясь, так и не сняв рюкзак. У меня колотится сердце.

Выходя, я закрываю за собой дверь. В конце коридора комната родителей. Мама спит на кровати, а всё, что лежало там до неё, — неп прочитанные письма, использованные салфетки, грязная одежда — свалено в кучу на полу. Я иду на кухню, найти, что бы съесть.

Раньше мама была специалистом по ведению домашнего хозяйства. Она вела колонку в еженедельном журнале, где публиковала инструкции, скажем, как из сосновых шишек сделать праздничное украшение на стол или как приготовить идеальную баранью ногу. Она была таким человеком, который за пятнадцать минут мог соорудить из старого барабана декупажный столик. Её настоящей страстью — а мама очень часто использовала это выражение — была органическая выпечка без ГМО; когда мы возвращались из школы, нас всегда ждали какие-

нибудь странные маффины, скажем, из папайи и соевых ростков или что-нибудь в этом роде. Она опубликовала книгу «Манифест здоровой еды». Заметьте, не кулинарную книгу, а манифест. Как будто мама каждое утро ходила к местному молочнику за молоком для мюсли. Кэти называла эту книгу «Манифест заносчивости».

Мама больше не такая. Она похожа на шелуху, оставшуюся от органических овсяных блинов, которые больше не готовит. Большую часть дня мама спит, и я не преувеличиваю: она не выходила из дому ни разу с похорон Кэти. А это было почти год назад.

Я ищу себе что-нибудь поесть и замечаю, что в шкафу почти ничего нет, кроме пакета с картошкой (не органической) и нескольких пачек готовой лапши (точно не органической). Я открываю морозильник, где ситуация не лучше: немного мяса, всё ещё в бумажном пакете, и штук семь почти доеденных буханок хлеба. Я достаю два кусочка, кладу их в тостер и начинаю листать каталог *Kmart**. В туалете дальше по коридору слышится звук спускаемой воды, а затем в кухню заходит мама, зевая, как будто сейчас шесть утра, а не четыре пополудни.

— Привет, милая.

* *Kmart* — американская сеть универмагов, торгующих одеждой, мебелью, техникой, товарами для дома и т. д.

Мама опирается бедром о столик. Она завела привычку ошиваться около меня, будто собирается сказать что-то глубокомысленное. Это кошмар. Вся правая половина её лица в красных следах от подушки. Видны седые корни волос. Она смотрит на меня с сосредоточенностью человека, который пытается использовать джедайские приёмы внушения.

— Как ты? — спрашивает мама.

Мало ли, вдруг когда-нибудь сработает. Вдруг когда-нибудь я открою рот и из меня выльется всё. Я смогу сказать, как я, я буду знать, как я. Но не сегодня.

— Нормально, — отвечаю я, сажусь на стул и продолжаю листать каталог *Kmart*, испещрённый фотографиями дружелюбных людей, собравшихся на барбекю и играющих в пинг-понг.

Мама отводит от меня взгляд, вздыхает и открывает холодильник, чем, кажется, нарушает сразу несколько законов об охране окружающей среды. Кухню заполняет вязкий кислый запах просроченных продуктов и гниющих овощей. Как будто не замечая его, мама оглядывает полки и достаёт банку йогурта. Интересно, сколько ему лет? Запах не исчезает, даже когда мама закрывает холодильник.

Она открывает йогурт и мешает его чайной ложкой. Не ест, только мешает и мешают. Переводит взгляд на окно, из которого видны задний двор и крыльцо. На стене веранды висит в рамке фото Кэ-

ти, где она маленькая плещется в надувном бассейне на этом же крыльце. Сейчас крыльцо, усеянное листьями и ветками, пожалуй, в самом ужасном состоянии с момента своего появления. Определённо, пожарная безопасность тут и рядом не стояла.

— Как школа? — спрашивает наконец мама. Почти рассеянно, как будто вспомнила, что ей время от времени стоит интересоваться.

— Нормально.

Она просто кивает.

Я оставляю её и выхожу на улицу, спускаюсь по ступенькам заднего крыльца и шагаю по узкой дорожке, которая ведёт между клумб к границе двора. Там есть большой плоский камень, который немного нависает над оврагом. Мы с Кэти представляли, что это пиратский корабль / сцена / квартира в Нью-Йорке.

Я достаю из кармана юбки её айпод и включаю. На нём одна тысяча восемьсот семьдесят четыре композиции. Я вставляю наушники и нажимаю на кнопку «перемешать всё». Первой идёт песня, в которой парень настойчиво повторяет, что у него нет пистолета. Я ложусь на спину и чувствую, как тепло солнца, весь день нагревающего камень, впитывается в моё тело.

Папин сад страдает от жары. Отец вернётся домой позже и будет ковылять со шлангом, поливая всё